

А.В. ПИГИН

СТИХ О БЕСЕ ЗЕРЕФЕРЕ

Публикуемый текст представляет собой позднюю стихотворную версию популярной средневековой «Повести о бесе Зерефере», в основе которой лежит международный «бродячий» сюжет о «кающемся» бесе. Бес Зерефер является к некоему святому старцу (в поздних редакциях «Повести...» он получает имя Антония Великого) в облике человека и пытается обманом узнать у него, может ли Бог простить беса и вернуть ему прежнее ангельское достоинство. Старец не узнаёт в этом мнимом покаяльнике нечистую силу, полагая, что тот именуется себя бесом по своему смирению. Он простирает руки к Богу в надежде получить от него ответ на этот непростой вопрос. Зереферу, таким образом, почти удается его лукавый замысел: славившийся своей прозорливостью старец не только не распознал врага рода человеческого, но сам едва не стал его пособником в искушении Бога. Однако ангел, явившийся к старцу, открывает ему истину и сообщает, что вход в Царствие небесное не закрыт ни для кого, даже для дьявола. Бес может получить прощение и снова стать ангелом, если в течение трех лет, стоя на одном месте и обратясь на восток, он будет непрестанно повторять: «Боже, помилуй мя, древнюю злобу!», «Боже, помилуй мя, мерзость запустения!», «Боже, помилуй мя, помраченную прелесть!» Но пришедший на следующий день Зерефер отвергает покаяние, он не хочет променять свою славу и власть над грешниками на вечное спасение: «Никакоже, калугере, ни же! Даже донныне обладавах грешными. И ныне паки сотворю себе непотребна? Никако, калугере, не буди то тако в таковое бесчестие себе вложу!»¹. Согласно «Повести...», покаяние для дьявола возможно, Бог всегда готов его принять, но «лукавый враг» сам не может покаяться, ибо не способен победить свою гордыню.

Имеющая греческое происхождение «Повесть...» известна в славянской письменности в большом числе списков XIV—XIX вв. и в нескольких редакциях. Первоначально она входила в состав Азбучно-Иерусалимского и Сводного патериков, позднее проникла в лубочную литературу, была опубли-

кована отдельным изданием киевским типографом Памвой Берындой (1626 г.). В конце XVII в. Димитрий Ростовский поместил ее в своей «Книге житий святых» как приложение к Житию Антония Великого (17 января). О популярности «Повести...» свидетельствуют цитаты из нее в памятниках древнерусской литературы, использование имени Зерефера (или Зерефа) в одной из редакций «Повести о старце, просившем руки царской дочери» и в азбуквниках. Уже в XIX—XX вв. новые редакции, или «пересказы», «Повести...» создали старообрядческий печорский книжник И.С. Мяндин и известный русский писатель-эмигрант А.М. Ремизов².

Пристальный интерес к «Повести...» на протяжении долгих веков объясняется, вероятно, сложностью затронутой в ней богословской проблемы: может ли дьявол покаяться и вернуться на небеса? Утвердительный ответ означает возможность будущего восстановления в Боге всех грешников, томящихся в аду; отрицательный ответ предполагает вечность адских мучений. Эти вопросы обсуждались в христианском богословии уже во времена Оригена (185 — около 254), который отвечал на них положительно. Церковь осудила его учение: «Если кто [говорит или держится мнения], что наказание демонов и нечестивцев — временное и будет иметь после некоторого срока свой конец, т.е. что будет восстановление (апокатастасис) демонов и нечестивых людей, — анафема»³. Однако и много позднее «оптимистическое» богословие Оригена находило своих сторонников среди церковных писателей.

«Повесть о бесе Зерефере» не единственное произведение русской рукописной книжности на сюжет о «кающемся» бесе. В XVII в. с польского языка был переведен сборник нравоучительных «прикладов» «Великое Зерцало», в котором также содержатся легенды о попытках дьявола вернуть свое ангельское достоинство. Как и в «Повести...», эти попытки заканчиваются неудачей. Тема дьявольского покаяния обсуждается и в другом переведенном с польского языка произведении — в «Суждении дьявола против рода человеческого» (XVII в.).

Особый интерес представляют фольклорные варианты этого сюжета и те произведения «народной» рукописной книжности XVIII—XX вв., которые

обменивались материалом с устной легендой. Характерно, что в поздних версиях преобладает «оригеновское» решение вопроса: бес приносит покаяние, иногда принимает крещение, превращается в ангела и возвращается на небеса. Таково содержание рукописных повестей, известных в списках XVIII—XX вв.: «Повести, како един бес прииде в покаяние. Патерик Скитский», «От патерика Синайского, знамение П, лист 345. Повесть дивна, како покайся бес и проси у старца креститися», «От жития святых отец о некоем преподобном старце»⁴. Представлена такая разработка сюжета и в духовной поэзии⁵. Мотив покаяния в этих версиях может быть приглушен или отсутствовать вовсе — Бог прощает беса за пение им «ангельских гласов», «Иже херувимы», молитвы «Отче наш» и т.п.

Вот, например, легенда, записанная А.Н. Афанасьевым в Воронежской губернии: «В другой раз заспорил пустынный с чертом: "Не влезешь-де ты, окаянный, в орех-свиствен (свищ)!" Черт расхвастался и влез. Вот пустынный давай его крестить. "Пусти! — закричал нечистой, — пожалуйста, пусти! Меня огнем жжет!" — "Выпущу, коли пропоешь ангельские гласы!" — "Не смею, — говорит нечистой, — меня разорвут за это наши!" — "Одначе пропой!" Что делать? Согласился черт. Вот выпустил его пустынный на волю, сам пал на колени и зачал Богу молиться, а нечистой запел ангельские гласы: то-то хорошо! то-то чудесно! Вишь, черти-то прежде были ангели, от того они и знают ангельские гласы. Как запел он — так и поднялся на небо: Бог, значит, простил его за это пение»⁶. Мотив прощения беса служит здесь развязкой еще одного популярного демонологического сюжета — о «заключенном» бесе, инвариантную основу которого составляют пленение беса старцем и выполнение бесом «трудных заданий»⁷.

Согласно легенде, зафиксированной у старообрядцев Кубани, когда-то бесом был и сам «архистратиг небесных сил» архангел Михаил: «Он был бес. И шёл плакал. А идёт монах навстречу. А он не знал, что он бес. "Отче, что вы так плачете?" — "Да. А как мне не плакать. Ваш Бог милостивый. Он вам всё прощает. А наш бес ничего не

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ПИГИН, доктор филол. наук; Петрозаводский гос. ун-т

прощает. Вот приду, так будет давать. А я замертво лежать буду. Я тоже хотел бы вашему Богу помолиться, как вы молитесь. Всё б отдал, лишь бы не был..." — "А если хочешь, я могу сделать". — "Можешь?" — "Можу". — "Тогда быстрее, чтоб беси мене не растерзали". Он поднял его на гору, почал молитву: "Господи..." — как он там знал, просил. А Господь явился. Сейчас землей... Рубашку, крестик, поясик. И прямо землей его покрестили, в земле. И только успели крестик одеть и подпоясать, бесей как налетело. Ужас! Ну, куда ж! Они уже не могут подойти до его. А сказал Господь: "Будешь итить по такей дороге. До Иордана дойдешь. А там, — говорить, — покрестишь у тем Иордане. С головой покрестишь. В общем, довершишь его". Его покамест землей, чтоб, значить, лишь бы сорвать его. И он, Господь, значить, наречил его Архангел Грозный Воевод. И вот, значить: "Святый Архангеле Грозный Воеводе, моли Бога о нас". Вот. Его, значить, Господь помиловал⁸. Подобные легенды бытовали и в европейской письменной и устной традиции.

Но, как писали древнерусские книжники, «паки на предняя возвратимся» — вернемся к «Повести о бесе Зерефере». До сих пор нам были известны только прозаические редакции этого произведения. Совсем недавно в процессе изучения рукописных стиховников Карельского собрания Древлехранилища им. В.И. Малышева в Пушкинском Доме⁹ удалось обнаружить и стихотворную его версию. Стих о бесе Зерефере входит в состав рукописного сборника начала XX в., на 52 листах, форматом в 8°, почерк — подражание полууставу (Карельское собрание, № 91). Сборник был найден в заонежском селе Фоймогуба сотрудником Отдела древнерусской литературы ИРЛИ Л.А. Дмитриевым в 1949 г. в ходе археографической экспедиции. В своей статье, посвященной обзору заонежских рукописей Карельского собрания, Л.А. Дмитриев отметил, что этот сборник представляет «значительный интерес» и что «такого рода сборники не были единичным, случайным явлением» в Заонежье¹⁰. Действительно, объединение в нем молитв, тропарей, кондаков, духовных стихов и стихотворений русских поэтов XIX в. достаточно типично для поздней рукописной книжности. О севернорусском происхождении сборника свидетельствует не только факт его обнаружения в Заонежье, но

и наличие в нем сугубо местных сочинений — молитвы Зосиме и Савватию Соловецким, стиха о Коневецком на Ладожском озере монастыре; в самом начале сборника помещены печатные листы со статьей о Сергии и Германе Валаамских. Разумеется, это не служит доказательством севернорусского происхождения самого интересующего нас стиха — он мог попасть в сборник из какой-то другой локальной традиции.

Стих о Зерефере восходит, скорее всего, к той редакции «Повести...», которая была помещена в «Книге житий святых» Дмитрия Ростовского. Опубликованная впервые в 1695 г., редакция св. Дмитрия позднее многократно переиздавалась в составе его Четых Миней. Среди всех вариантов «Повести...», в которых старец носит имя Антоний, она является самой распространенной в рукописной и печатной традиции¹¹. Стих принадлежит, вероятно, к поздним образцам русской духовной поэзии XIX — начала XX в., которые создавались в церковно-монастырской среде. Мнению Л.А. Петровой о старообрядческом (странническом) происхождении «карельского» стиховника № 91¹² противоречат и орфография входящих в его состав текстов («Иисус», «во веки веков»), и моление за императора Николая II (л. 18).

Сюжет древнерусской повести передается в стихе достаточно точно, без сколько-нибудь существенных изменений. Наиболее заметным отличием стиха от «Повести...» в редакции св. Дмитрия является усиление в нем нравоучительного смысла (не нужно отчаиваться в своем спасении, поскольку Бог готов принять самого страшного грешника, даже беса, способного принести покаяние). Если в «Повести...» назидательное обращение к «братии» с призывом к покаянию содержится только в заключительной ее части, то автор стиха создает рамочную композицию: текст и начинается и заканчивается прямым наставлением («не отчайся, грешник бедный»; «видишь, грешник безнадежный»). Это смещение акцентов с нарративного элемента на нравоучительный отражено и в заглавии стиха — «Отчаянному грешнику сповехо» (ср. у Дмитрия Ростовского: «Повесть удивительна о диаволе, како прииде к великому Антонию в образе человечесте, хотя каятися»). Древнерусская «Повесть...» принадлежала традиции патерикового и агиографического повествования. Произведенная автором

стиха композиционная перестройка сблизила его сочинение с жанром проповеди. История Зерефера по существу относится к нравоучительным «примерам» (exempla) — «коротким рассказам, составлявшимся деятелями церкви для придания проповеди, в которую они обычно включались, максимальной эффективности»¹³. Соответственно, в стихе усилен, по сравнению с «Повестью...», и притчевый, иносказательный смысл сюжета.

Примечательно, что в качестве «примера» история мнимого покаяния Зерефера использовалась и в греческой проповеднической литературе: она входила в состав «Беседы о покаянии, или о том, что не должно отчаиваться в спасении» (латинское название: «Homilia de Poenitentia, quodque, de sua ipsius salute non sit desperandum»), составителем которой считался св. Амфилохий Иконийский (IV в.)¹⁴. Греческий церковный писатель обращается здесь к тем «братьям», кто разуверился в спасении и возможности покаяния по множеству своих грехов. Он уверяет «братьев», что Бог не отвергается от искренне кающихся, будь то сам дьявол, и подтверждает свою мысль «примером» о Зерефере и некоторыми другими душеполезными историями. Таким образом, неизвестный русский автор XIX—XX вв. спустя многие столетия сохранил в древнем сюжете тот его смысл, который был актуален в начальный период христианской словесности.

Отметим еще, что в самом конце рукописного сборника № 91 Карельского собрания помещено стихотворение М.Ю. Лермонтова «Ангел» («По небу полуночи ангел летел...»). Стих о Зерефере и «Ангел» вступают в сборнике в отношения художественной антитезы: гордыне беса Зерефера противопоставлены «тихая песнь» ангела и «блаженство безгрешных духов».

Текст издается по правилам много-томной серии «Библиотека литературы Древней Руси» (СПб.).

Отчаяному грѣшнику сповехо

Не отчайся, грѣшникъ бѣднѣй,
Хоть и много золь твоихъ.
Будь хоть первый и послѣдний
Ты изъ грѣшниковъ земныхъ,
Всѣхъ грѣшнѣй,
Но не отчайся
И нимаю не крушися,
А предъ Господомъ покаяйся
И исправиться рѣшися.
Если Богъ и бѣса радъ бы вновь
принять къ Себѣ.

Тебя ль, зная то, что всё мы слабы,
Будеть Господу не жаль?
Если в чувствах умиленья
Исповѣдуешь Ему всё грехи
и заблужденья
Ты как Богу своему, будь покоенъ,
кайся только,
Богъ вѣдь грѣшныхъ недалеко. //

(л. 45 об.)

Темъ изъ насъ лишь будетъ горько,
Кто не кается въ свой вѣкъ
И на исповѣдь¹⁵ не ходить.
О, всёхъ грѣшниковъ такихъ
Демонъ въ адъ съ собой изводитъ¹⁶
И измучить тамъ онъ ихъ.
Не отчайся жь, сдѣлай милость,
Страхомъ совѣсти томимъ.
Вотъ послушай, что случилось
Разъ съ Антониемъ святымъ.

Демонъ демону однажды, встрѣтятся,
Такъ сказалъ:

«Ехъ, братъ, мнѣ давно
Ужъ знать желалось:
Коль изъ насъ кто, бросивъ зло,
Обратился бь къ Богу,
Что бы Богъ

На это отвѣчалъ, // (л. 46)
Духъ и гордости и злобы,
Если бь онъ къ Нему припаль
Съ покаяньемъ и слезами,
Что то принялъ бы Богъ?» —

«Мы не можемъ знать то сами.
А Антоний вѣрно бь могъ,
Если бь къ Богу онъ съ вопросомъ
обратился.

Дай пойду и спрошу.
Ужель я спросомъ наживу
Себѣ бѣду?»

Демонъ съ демономъ простился.
И чрезъ несколько минутъ
Зереферъ преобразился в человѣка
и какъ тутъ
Онъ съ воплемъ громкимъ
подошелъ,
Бился въ грудь онъ // (л. 46 об.)
черезъ мѣру

И отчаяно ревѣлъ.
И Антониевы ноги обхвативши,
Такъ онъ рекъ: «Охъ, грѣхи мои
такъ многи!

Что я? Бѣсъ иль человѣкъ?
Нѣтъ и мѣры злодѣянью.
Я не знаю, есть иль нѣтъ для меня
и покаянье.

Охъ, бѣда мне! Дай отвѣтъ.
Охъ, утѣшь меня отвѣтомъ,
Потрудись у Бога ты спросить,
Отецъ, объ етомъ и, что скажешь,
извѣсти».

Старецъ, плачущаго вида,
Самъ заплакать быть готовъ,
Не узнавши вовсе съ вида,
Кто быть плачущий таковъ. //

(л. 47)

Дал онъ слово помолиться
И завтра приказалъ
За ответомъ воротиться.
Демонъ вышелъ и пропалъ.

Только солнце закатилось,
Старецъ Бога сталъ просить,
Чтобъ открылъ то: есть ли милость
Приходившаго простить.
Вдругъ предъ нимъ въ небесной
славы

Ангель сталъ и старцу рекъ:
«Ты молишься такъ не выправѣ Богу,
Божий человѣкъ.

За кого ты докучаешь?
За кого теперь вознесъ ты молитву?
Иль не знаешь, что тебѣ стужаетъ
бѣсъ
Въ мнимомъ видѣ человѣка? //

(л. 47 об.)

Но чтобъ онъ не могъ нанести
Богу въ Страшный день упрека,
ты скажи

Ему, что есть и для бѣса покаянье.
Пусть съ молитвой сокрушенной,
Обратившись на востокъ,
Богу выскажетъ смиренно
Весь свой демонский порокъ.
Пусть такъ молится три года.
По исходѣ жь трехъ годовъ
Въ свѣтлосъ ангелскаго рода
Принять будетъ Богомъ вновь,
Въ санъ онъ первый свой вчинится,
Будетъ ангеломъ святымъ.
Если только что смирится
Передъ Господомъ своимъ».

День насталь.
Какъ разъ явился къ старцу бесъ.
Антоний рекъ бесу, какъ: // (л. 48)
«Ну я молился Богу.

Вотъ что, человѣкъ,
Богъ тебѣ велѣтъ напомнить:
Знаю, кто ты и зачѣмъ.
Если жь вздумаешь исполнить,
Что скажу тебѣ затемъ,
Есть въ грѣхахъ тебѣ прошенье.
Знаю, кто ты и откуль¹⁷.

И тебѣ даю спасенье,
Если будетъ произволь
Въ умиленномъ созданыи
Всѣхъ проступкавъ вопиять
По три года съ покаяньемъ
И себя окаивать.
Ты на то имѣешь силу,
Не устанешь, вопия воть что:
"Господи, помилуй, злобу древнюю,
меня". // (л. 48 об.)

Такъ взывай, приемля дерзость,
На востокъ взирая, стой. И опять
взывай:

"Я мерзость запустѣнья, Боже мой!
Помраченная я прелесть!
Просвѣти меня и дай
Мысли святость, миръ и свѣжесть,
Обнови и возсоздай!"
Если выстоишь три года,
Вѣтъ устать не можешь ты,
Будешь райскаго¹⁸ вновь рода,
Ангель прежней красоты».

Слыша ето, демонъ крикнуть:
«Какъ? Я мерзость, прелесть¹⁹ я?
Злой старикъ! Ты, зная,
не вникнуть

Должнымъ образомъ //
(л. 49) въ меня.

Мнѣ стоять смирясь предъ Богомъ?
Мнѣ смириться? Старецъ злой!
Какъ? Опять въ чину убогомъ
Быть мнѣ Господу слугою?
Нѣтъ, старикъ, я самъ владыка
душъ,

Мнѣ преданныхъ грѣхомъ.
Что до ангельскаго лика,
Если мой весь миръ кругомъ?
Екой новостію какою хватилъ меня,
старикъ.

Нѣтъ, быть Господу слугою
Я давнымъ-давно отвыкъ.
Да, я рабствовать отвыкнулъ,
Старецъ злой, злой калугерь!¹
И крутятся, и бѣсясь, свиснуть
И исчезнуть Зереферъ.

Видишь, грешникъ безнадежный, //
(л. 49 об.)

Богъ и самыхъ бы бѣсовъ
Радъ принять и санъ имъ прежний
Возвратить бы быть готовъ,
Если бь только захотѣли
и смирились бы они.

Что жь робѣешь ты?
Тебѣ ли еги средства не даны?
Будь покоенъ, не отчайся²⁰.
Умиленно молиси.
Не забудь, что ты искупленъ
Кровью Бога твоего.
Если дорого такъ купленъ,
Значить, миль ты для Него.
О, спѣши жь въ Его объятья!
Право то тебе дано. О, спеши!
Тебѣ, какъ братья, ждуть и ангелы
давно.

ИРЛИ, Карельское собрание, № 91,
л. 45—49 об.

Примечания

¹ Повесть неоднократно публиковалась. В настоящей статье цитируем ее по изд.: Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2003. Т. 8. С. 528—533.

² О литературной истории «Повести...» см. наши работы: *Пигин А.В.* 1) Древнерусская патериковая повесть о Зерефере (вопросы текстологии) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 1. С. 92—100; 2) Повесть о бесе Зерефере в обработке И.С. Мяндина // Русская литература. 2001. № 1. С. 159—166; 3) Древнерусская повесть о бесе Зерефере в пересказе Алексея Ремизова // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб.; Салерно, 2003. С. 93—103.

³ *Карташев А.В.* Вселенские соборы. М., 1994. С. 354 (решение поместного Константинопольского собора 543 г.).

⁴ См.: *Пигин А.В.* Неизвестная рукописная повесть о покаянии беса // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 105—113.

⁵ См.: *Пигин А.В.* Духовный стих «Покаяние о искушителе» (к изуче-

нию сюжета о покаянии дьявола) // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 2001. Вып. 3. С. 67—80.

⁶ Народные русские легенды А.Н. Афанасьева / Сост. В.С. Кузнецова. Новосибирск, 1990. С. 125—126.

⁷ См.: Дурново Н.Н. Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной русской литературе // Древности. Труды Славянской комиссии Московского Археологического общества. М., 1907. Т. 4. Вып. 1. С. 54—152.

⁸ Христианские легенды хутора Новопокровского / Публ. А.И. Зудина // ЖС. 2007. № 3. С. 13.

⁹ Фундаментальное исследование духовных и покаянных стихов русских старообрядцев на материале нескольких рукописных собраний Древлехранилища ИРЛИ осуществлено Т. Философовой (см.: *Filosofova T. Geistliche Lieder der Altgläubigen in Russland. Bestandsaufnahme — Edition — Kommentar.* Köln; Weimar; Wien, 2010). Наш проект предполагает более детальное изучение «карельских» стиховников, как старообрядческих, так и новообрядческих.

¹⁰ Дмитриев Л.А. Состояние и перспективы изучения книжно-рукописных традиций Заонежья // Рукописное наследие Древней Руси: по материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 336.

¹¹ Дмитрий Ростовский. Книга житий святых: декабрь, январь, февраль. Киев, 1695. Л. 463—464 об.

¹² См.: Петрова Л.А. Духовные стихи в усть-цилемской рукописной традиции // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар, 1989. С. 95.

¹³ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 135—136.

¹⁴ См.: *Combes F. SS. Patrum Amphilochoi Iconiensis, Methodii Patarensis, et Andreae Cretensis Opera omnia.* Parisiis, 1644. P. 91—115. Впрочем, к числу подлинных сочинений св. Амфилохия эта гомилія не принадлежит (см.: *Holl K. Amphilochoius von Ikonium in seinem Verhältnis zu den grossen Kappadoziern.* Tübingen; Leipzig, 1904. S. 58—59).

¹⁵ Исправлено, в рукописи «исповѣдать».

¹⁶ Исправлено, в рукописи «иводить».

¹⁷ Рядом написан варинат «оль», т. е. «отколь».

¹⁸ Исправлено, в рукописи «ройскаго».

¹⁹ Исправлено, в рукописи «пре-леть».

²⁰ Исправлено, в рукописи «очайся».

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-14-10001 («Изучение и описание Карельского собрания рукописей Древлехранилища им. В.И. Малышева ИРЛИ РАН»)

В.В. ВИНОГРАДОВ

ГОРШОК НА ГОЛОВУ, ИЛИ КАК УБЕРЕЧЬСЯ ОТ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ

Использование гончарной посуды в ритуальных и магических практиках не раз привлекало внимание исследователей (см., например: [15; 16]). Одно из общих мест — антропоморфность горшка; он уподобляется как человеческой фигуре в целом (у него есть «шейка», «плечико», «тулово»)¹, так и голове [16. С. 527]. Последнее уподобление часто актуализируется в разговорной речи в высказываниях типа «голова как пустой горшок»². Аналогия «голова—горшок» используется в бытовой магии. Например, с целью повлиять на свойства будущего урожая капуста производится ряд действий, актуализирующих сопоставление «горшок—голова—кочан»: «Докончив посадку, в начальном краю гряды [женщина] ставит большой горшок дном вверх, накладывает на него камень и покрывает белым платком с приговором: "Щоб капуста була туга, як каминец, головага, як горшок, а бела, як платок!"» [1. Т. 1. С. 34]³. Можно назвать другие сопоставления такого рода — например, с растениями, обувью и т.д. [6; 11].

Остановимся на случаях, когда «псевдоголова» в магических практиках заменяет «настоящую» голову. Иногда заместителем головы выступает верхняя часть лаптя, ср. рассказ о спасении коровы: «Раньше пастухи, было, вот я помню... Скотинку выгонят. Они этой скотинке делали вот этот обход... Вот пироги-то вот эти несли... <...> Но за обход оне должны уплатить... Который опытный пастух, дак он возьмёт да, допустим, там... проговорит ему сапог. И он возьмёт лапоть ему и отдаст. Да, а который неопытный пастух-то, дак он голову... Надо голову, значит, он возьмёт да... Коровушка какая — чья-нибудь — и погибнет. А так он от этого, от лаптя, было, эту головашку отрубит — и вот на! [Вот тебе и голова?] Голова! И рассчиталсы, и в тот год уже никака скотинка, было, не... не погибнет от несчастного вот случая» [АГА].

Однако чаще заместителем головы является горшок. На Средней Мсте⁴ мною был записан ряд текстов, в которых описывалось следующее магическое действие: человеку, напуганному нечистой силой, предписывалось надеть на голову горшок. Эта манипуляция объяснялась тем, что нечистый дух

погонится за испугавшимся человеком и обязательно ударит его кнутом по голове; таким образом, разобьется горшок, а не голова, а черт удовлетворится одним ударом⁵.

Упоминания об этом обереге встречаются в разных контекстах.

Ситуация первая. На Святки девчушки ходили гадать на перекресток дорог⁶. Парни, которые выведывали о таких планах, часто подкарауливали их и пугали:

1. Собираюца девчонки слушать, иттить слушать. Ага, на кресты: так дорога, и так дорога, вот на крестах надо стоять слушать, пока не прислышицы. А мальчишки подслушали. Девчонки пошли, очертили круг на снегу, стали в круг. Слышат, свадьба едет: колокольчики звенят. <...> Вот: «Ага, ты замуж выдѣшь, нынче замуж выдѣшь — колокольчики...» А мальчишки там нарядились, чтобы их не узнать, взяли эти бубенчики, колокольчики... эти, как их... подгърки называюца. Раньше на свадьбы-то ездили, дак эти бубенчики-то подгърки называли. Ну, и ближе и ближе... Оны: «Аминь», а девчонки — «Аминь», а эти ближе... это и... И кто куда побегали: с испугу-то поди знаешь что! <...> И домой! Ага, домой прибежали. А старухи-то... ну, старухи-то больше знали, чем мы, ну... А старухи: «Чего-чего?» — «Да напугались!» Чего-чего напугались, да надо горшки бить! Скоко горшков разбили, что, говорит, черти не пришли, не догнали. [Горшки на перекрестке били?] Нет, почѣму! Домой... вот о порог били, чтобы в избу не вошли черти [смех] [НМИ].

2. У нас бегали слухать во Святки... вот сюды на хрѣсты. Да. [Там как-то очертиться надо было?] Да, делали чѣртѹ. Ну мы вот тут собрались, поговорили. Ну, мы скажѣм другим, чтобы вот... скоко человек. Ну что, договорились... <...> Ну узнали, молодѣжь узнала, что девки пойдут слухать. Парни узнали. Ну и... а посадка была: вот, где Герман живѣт у нас в этом доме. Мы жили там. Ну и вот, эти девки ушли. Очертились там. И брат мой взят за товарища... молоденький парнишка. <...> Одна партия робят пошли по этой дороге: вот к Опутам — туда к жальничку — спрятались. Друга партия к Устью суды пошли по дороге. Ну вот, одна там кричит, за которую слухают там, тоѣ-то, что прислышалось. Ой, вез-